

А. Л. Зелинский

**О ХАРАКТЕРЕ И ПРИЧИНАХ
ЕГИПЕТСКОГО НЕЙТРАЛИТЕТА
ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ¹**

О позиции, занятой Птолемеевским Египтом во время Первой Пунической войны (264–241 гг. до н. э.) (см., напр.: Scullard 1989, 537–569; Ager 1996, 109–110; Hölbl 2001, 54; Huß 2001, 297; Gargola 2006, 147–149), мы можем судить на основании исторического анекдота, переданного Аппианом Александрийским: «Когда и римляне и карфагеняне стали нуждаться в деньгах, то первые, истощённые военными расходами, не стали больше снаряжать флотов, но, набирая пешее войско, каждый год посылали его в Ливию и на Сицилию, карфагеняне же отправили посольство к Птолемею, сыну Птолемея, сына Лага, царю Египта, желая занять у него две тысячи талантов. У Птолемея же была дружба и с римлянами, и с карфагенянами, поэтому он попытался примирить их друг с другом. Потерпев неудачу, он сказал, что друзьям следует помогать против врагов, но не против друзей» (ὅτι ἄποροῦντες Ῥωμαῖοι τε καὶ Καρχηδόνιοι χρημάτων, οἱ μὲν οὐκ ἔτι ἐναυπήγουν, τετραμένοι διὰ τὰς εἰσφοράς, ἀλλὰ πεζὴν στρατιὰν καταλέγοντες ἐξέλεμπον ἐς Λιβύην καὶ ἐς Σικελίαν ἀνὰ ἔτος ἕκαστον, Καρχηδόνιοι δ' ἐς Πτολεμαῖον ἐπρεσβεύοντο, τὸν Πτολεμαίου τοῦ Λάγου, βασιλέα Αἰγύπτου, δισχιλία τάλαντα κηρώμενοι. τῷ δ' ἦν ἕς τε Ῥωμαίους καὶ Καρχηδονίους φιλία, καὶ συναλλάξαι σφᾶς ἐπεχείρησεν ἀλλήλοις. οὐ δυναθεὶς δ' ἔφη χρῆναι φίλοις κατ' ἐχθρῶν

¹ В основе этой публикации лежит содержание двух докладов, сделанных автором в разное время. Первый из них — «Характер і причини єгипетського нейтралітету підчас I Пунічної війни» — был прочитан в 2006 г. на X международной научной конференции «Востоковедческие чтения А. Крымского» (Зелінський 2006, 46–47); второй — «Хронологічна локалізація розширення західних кордонів птолемейської Киренаїки» — в 2011 г. на II международной научной конференции «Актуальные вопросы истории древнего мира» (Зелінський 2012, 25–27).

συμμαχεῖν, οὐ κατὰ φίλον) (App. Sic. 1. Пер. С. П. Кондратьева). Исходя из содержания этого рассказа, подтверждаемого косвенными свидетельствами других источников, исследователи пришли к выводу, согласно которому на протяжении Первой Пунической войны Египет твёрдо придерживался нейтралитета².

В современной историографии существует несколько точек зрения на причины, побудившие царя Египта занять нейтральную позицию в этом конфликте. Подавляющее большинство учёных считает, что птолемеевская политика невмешательства в римско-карфагенский конфликт носила чисто коммерческий характер. По их мнению, Египет попросту стремился сохранить выгодные ему торговые отношения с обеими воюющими сторонами (см.: Rostovtzeff 1941, 395–397; Droysen 1955, 198–199; Roussel 1970, 64, n. 3; Fraser 1972, 152–155; Will 1979, 194–198). С точки зрения В. И. Кашеева, рассказ Аппиана о реакции Птолемея II Филадельфа (а именно к нему карфагеняне обратились за финансовой помощью) на просьбу карфагенян свидетельствует прежде всего о стремлении египетского правителя выступить в роли верховного арбитра в Первой Пунической войне³. В. Хусс пришёл к выводу, согласно которому нейтралитет Филадельфа был обусловлен желанием царя не допустить ре-

² См., напр.: Holleaux 1921, 64; Bevan 1927, 71; Droysen 1955, 198–199, 210; Will 1979, 194; Scullard 1989, 563; Ager 1996, 109–110; Hölbl 2001, 54; Huß 2001, 297; Adams 2008, 98, 100; Mori 2008a, 155. Имеются свидетельства дружеских отношений, которые Птолемей II поддерживал как с Римом, так и с Карфагеном. В первом случае это рассказы римских авторов об обмене посольствами, имевшим место между Римом и Александрией в 273–272-х гг. до н. э. (Liv. Per. 14; Val. Max. IV. 3. 19; Dionys. Hal. AR. XX. 14. 1–2; Dio Cass. Fr. 41; Eutr. II. 15; Iust. XVIII. 2. 9; ср.: Holleaux 1921, 61; Roussel 1970, 63; Will 1979, 195; Hölbl 2001, 54; Huß 2001, 294), подобие некоторых римских и египетских монетных чеканок середины III в. до н. э. (Rostovtzeff 1941, 396–397; Roussel 1970, 64, n. 6; Fraser 1972, 154–155; Will 1979, 195–198; Huß 2001, 295–296), а также произведение александрийского придворного поэта Каллимаха, посвящённое мужеству некоего римлянина Гая (Stroux 1934, 304–310; Fraser 1972, 767–768; Huß 2001, 297), и наличие некоего носителя лагинского имени Диннус (или Динниус) на египетской военной службе в 252/251 г. до н. э. (Bevan 1927, 71; Hölbl 2001, 73, n. 106; Жигунин 1997, 25). О втором свидетельствует экспедиция за контролировавшиеся карфагенянами Геракловы столпы, которую совершил Тимосфен Родосский, находившийся на службе Птолемея II (ср.: Strabo. III. 1. 7; IX. 3. 10; Rostovtzeff 1941, 395; Fraser 1972, 152, 522; Hölbl 2001, 54, 73, n. 104; Huß 2001, 294, Anm. 322; Grainger 2010, 94), а также, вероятно, влияние птолемеевского Египта на культуру и религию пунийцев (Rostovtzeff 1941, 395–396; Fraser 1972, 152–153; Huß 2001, 243, Anm. 46; Зелінський 2010, 457–458, примеч. 67), равно как и наличие египетских монет на их территории (Rostovtzeff 1941, 395–396; Fraser 1972, 152–153).

³ Кашеев 1993, 260; Кашеев 1997, 429. На миротворческих интенциях Птолемея Филадельфа в данном эпизоде в свое время делал акцент и В. Д. Жигунин (Жигунин 1980, 55).

шаюшей победы какой-либо из воюющих сторон и тем самым сохранить *status quo* в Западном Средиземноморье. И, наконец, III. Агер и А. Мори считают, что отказ Птолемея II ссудить карфагенянам 2000 талантов под предлогом дружбы с обеими враждующими сторонами можно объяснить его категорическим нежеланием ввязываться в столь дорогостоящее финансовое мероприятие, которое к тому же было чревато втягиванием Египта в римско-карфагенский конфликт⁴.

Вместе с тем, говоря о египетском нейтралитете во время Первой Пунической войны, нельзя не отметить, что он был намного более выгоден Риму, нежели Карфагену (см.: Droysen 1955, 198–199, 210; Huß 2001, 367). Римляне, чья военная мощь основывалась на гражданском ополчении, могли вести активные боевые действия, невзирая на финансовые затруднения, тогда как Карфаген, чьи граждане не были обязаны нести военную службу, нуждался в деньгах для содержания достаточно большого наёмного войска (Scullard 1989, 565; ср.: Mori 2008b, 169; Mori 2008a, 155). На это недвусмысленно указывает не только содержание приведённого выше текста Аппиана, но и анализ непосредственных результатов самой Первой Пунической войны, весьма плачевных для Карфагена (Polyb. I. 62. 4–9; 63. 2–3; III. 21. 2–5; 27. 1–6; 29. 2–10; Liv. XXI. XVIII–XIX; App. Sic. II. 2–3; Eutr. II. 27. 3–4) (см., напр.: Beloch 1927, 660–661; Scullard 1989, 562–569; Hölbl 2001, 54; Huß 2001, 367; Gargola 2006, 149). Собственно, именно в таком аспекте рассматривали египетское невмешательство как сами римляне, так и их союзник в войне с Карфагеном сиракузский царь Гиерон II (Polyb. I. 16–17; Diod. XXIII. 4. 5; Liv. XXIV. 4. 5; XXV. 31. 4; Liv. Per. 16; Eutr. II. 19. 2). Так, первые по окончании войны направили посольство в Египет с целью подтвердить дружеские отношения между обоими государствами, а также предложить сыну и преемнику Филадельфа, Птолемею III Эвергету, несколько запоздалую помощь в Третьей Сирийской войне (Eutr. III. 1. 1)⁵. Второй же — вероятно, в связи с голодом, начавшимся в Египте во время Третьей Сирийской войны⁶, —

⁴ Ager 1996, 109–110; ср.: Mori 2008a, 155; Mori 2008b, 132, п. 164, 169. При этом упомянутые исследователи также отмечают, что в случае удачного исхода посредничества Египет смог бы существенно повысить свой политический престиж (Ager 1996, 109–110; Mori 2008a, 155).

⁵ См. также: Hölbl 2001, 54; Huß 2001, 367–368. Третья Сирийская война, в ходе которой Птолемей Эвергет боролся против Селевка II Каллиника, происходила в 246–241 гг. до н. э. (см.: Heinen 1984, 420–421; Winnicki 1989, 78–87; Hölbl 2001, 48–51; Huß 2001, 338–354; Grainger 2010, 153–170; Жигунин 1980, 121–132), т. е. она окончилась в тот же год, что и Первая Пуническая война (ср.: Hölbl 2001, 54).

⁶ См. об этом: OGIS, I, 56, 13–19; Athen. V. 209b; Ср.: Bevan 1927 196–197; Hauben 1990, 29–37; Huß 2001, 274; Grainger 2010, 163.

отправил в дар Птолемею Эвергету огромное по меркам того времени судно с зерном (Athen. V. 206d–209b)⁷.

Таким образом, вполне возможно, что если за египетским нейтралитетом во время Первой Пунической войны и стояли какие-либо политические и экономические причины, то носили они исключительно второстепенный характер. Видимо, основная цель политики невмешательства Птолемея Филадельфа заключалась в стремлении существенно ослабить Пунийское государство⁸. При этом важно подчеркнуть, что такая политика Филадельфа носила не проримский, а именно антикарфагенский характер. Данную позицию египетского властителя в отношении западного соседа можно объяснить наличием вполне вероятной перспективы возобновления общей границы между двумя государствами (см. ниже). В этой ситуации у Птолемеев, как можно полагать, возникла возможность расширить свои владения за счёт Карфагена, в частности путём захвата небольшой полосы средиземноморского побережья к западу от Киренаики между Филеновыми алтарями (давней киренско-карфагенской границей)⁹ и Башней Евфранта. Именно там находилась конечная точка караванного пути, который вёл из глубин Африки через Феззанский оазис к морскому побережью. По этой дороге попадали в Средиземноморье богатства глубинной Африки: золотой песок, драгоценные камни, слоновая кость, страусовые перья и черные невольники (см.: HuB 2001, 103–104; Martin 2006, 69, 77).

О временной принадлежности данной территории Птолемеям нам известно благодаря рассказу Страбона. Этот автор, давая географическое описание Киренаики, говорит следующее: «Далее [на восток] возвышается башня Евфранта — граница прежних карфагенских владений и Киренаики при Птолемеях; затем идёт другое место под названием Харакс, которое служило карфагенянам портом; они привозили сюда вино, получая в обмен сильфий и его сок от торговцев, тайком доставлявших эти продукты из Кирены. Далее следуют Алтари Филенов, а за ними — крепость Автомалы, имеющая гарнизон и расположенная в глубине всего залива» (Strabo. XVII. 3. 20. Пер. Г. А. Стратановского).

⁷ Ср.: HuB 2001, 368; Bugh 2007, 276–277. О сомнениях по поводу взаимосвязи между голодом второй половины 240-х гг. до н. э. в Египте и подарком Гиерона II см.: Beyer-Rothhoff 1993, 201 (хотя подобный скепсис представляется недостаточно обоснованным).

⁸ Вместе с тем Филадельф, скорее всего, не был сторонником окончательного уничтожения Карфагенского государства.

⁹ См. источники: Ps.-Scyl. 109; ср.: Polyb. III. 39; X. 40; Sall. *Iug.* 19.3; 79; Strabo. II. 5. 20; Val. Max. V. 6. Ext. 4; Mela. I. 33; 38; Plin. *NH.* V. 4; Ptol. IV. 3–4; ср. также в историографии: Windberg 1938, 2098–2102; Goodchild 1952, 95–96, 103.

С точки зрения современных исследователей, чьё мнение автор всецело разделяет, Птолемеем, упомянутым в приведённом фрагменте Страбона, был не кто иной, как основатель Александрийской династии Птолемей I Сотер¹⁰. Следует добавить, что отрезок побережья между Филеновыми алтарями и Башней Евфранта был приобретён Птолемеем, видимо, в 308/307 г. до н. э. при возвращении Киренаики после смерти отправшего наместника вышеупомянутой области Офеллы (см.: Suda, delta, 431)¹¹. На это указывают данные источников, свидетельствующие о том, что вплоть до 309/308 г. до н. э. крайней западной точкой побережья Киренаики было укрепление Автомалы (SEG. IX. 1. 3; Diod. XX. 41–42), находившееся неподалёку от Филеновых алтарей. Также в пользу данной датировки аннексии упомянутой территории Птолемеем некоторым образом свидетельствует сложная политическая ситуация, в которой Карфаген оказался в 308/307 г. до н. э. Из-за затяжной войны с сиракузским тираном Агафоклом, усугублённой внутренними проблемами (Diod. XX. 29–34; 38–39; 43–44; 54–61; 63–70; Trog. *Procl.* XXII; *Iust.* XXII. 7–8; *Oros.* IV. 6. 28; 31–32), Карфаген оказался как никогда ослабленным и, таким образом, представлял собой подходящий объект для территориальной экспансии со стороны восточного соседа¹².

Контроль Птолемеев над прибрежной полосой между Филеновыми алтарями и Башней Евфранта сохранялся недолго. В середине III в. до н. э. данная территория снова оказалась в составе державы карфагенян. В пользу этого обстоятельства говорят как свидетельство Эратосфена (Strabo. II. 5. 20; см. также: Huß 2001, 294, Anm. 326) — автора, акме которого приходится на 2-ю половину III в. до н. э. (ср.: Hölbl 2001, 64–65; Huß 2001, 236, 375–376), так и указание Полибия на Филеновы алтари как на восточную границу Карфагена времён Второй Пунической войны (Polyb. III. 39. 2; ср.: Meltzer 1879, 522; Kornemann 1920, 232, Anm. 2; Huß 2001, 294). О. Мельпер, а вслед за ним и В. Хусс вполне резонно предположили, что Карфаген вернул себе недавно утраченные владения во время Первой Сирийской войны (275–271 гг.)¹³, когда очередной

¹⁰ См., напр.: Meltzer 1879, 351–352, 411–412, 522, Anm. 80; Kornemann 1920, 231–232; Goodchild 1952, 103, п. 28; Huß 2001, 101–103.

¹¹ См.: Vagnall 1976, 20; Huß 2001, 179–180; Зелинский 2007, 41, примеч. 23. Детальнее о проблеме отпадения Офеллы см., напр.: Зелинский 2008, 28–37 (с историографией вопроса).

¹² Более подробно о датировке аннексии карфагенской территории Птолемеем Сотером с изложением различных точек зрения см.: Зелинский 2012, 25–27.

¹³ О хронологических рамках и ходе Первой Сирийской войны см., напр.: Heinen 1984, 416–417; Winnicki 1989, 51–57; Hölbl 2001, 38–40; Huß 2001, 265–271; Grainger 2010, 81–87; Жигунин 1980, 69–74. При этом египетскую кампанию Магаса (ср.: Paus.

наместник птолемеевской Кирены, единоутробный брат Птолемея II Магас, провозгласил себя независимым от Египта правителем (Meltzer 1879, 411–412; Huß 2001, 268, Anm. 110; 294). При этом следует отметить, что, вероятнее всего, Карфаген восстановил свою прежнюю восточную границу с молчаливого согласия Филадельфа, поскольку к тому моменту Киренаика находилась в руках враждебного Египту правителя.

Однако на момент обращения Карфагена за вышеупомянутым займом (современные исследователи считают, что это произошло не ранее 253 г. до н. э.; см.: Eckstein 1988, 416; Scullard 1989, 562–563; Ager 1996, 109; Kasceev 1997, 429; Hölbl 2001, 54; Huß 2001, 294; Mori 2008a, 155; Mori 2008b, 132, п. 164, 169; Кащеев 1993, 260) взаимоотношения между братьями значительно улучшились. Филадельф и Магас заключили соглашение, по условиям которого Киренаика после смерти последнего фактически возвращалась под власть правителей Египта (Iust. XXVI. 3. 2)¹⁴. В связи с этим возникновение общей границы с Карфагеном, а равно и актуализация вопроса о возвращении прибрежной территории между Филеновыми алтарями и Башней Евфранта наверняка представлялись Филадельфу лишь делом времени¹⁵.

Вполне очевидно, что в сложившейся ситуации для александрийских властителей гораздо выгоднее было бы иметь дело с Карфагеном, проигравшим войну с Римом, нежели её выигравшим. Вместе с тем под влиянием ряда политических и экономических факторов (см. выше) Египту было невыгодно преждевременно обострять отношения с западным соседом¹⁶, тем более что в конце 50-х и даже в начале 40-х гг. III в. до н. э. победитель в войне ещё отнюдь не определился.

I. VII. 1–3; Polyae. II. 28. 1–2), зятя Селевкида Антиоха I Сотера (Euseb. I. 249c Schoene; ср.: Iust. XXVI. 3), следует расценивать как неотъемлемую составляющую этой войны.

¹⁴ Большинство современных исследователей датируют смерть Магаса 250/249 г. (ср.: Hölbl 2001, 45–46; Bennett 2003, 69; Müller 2009, 111; Grainger 2010, 146–148). Исчерпывающий источниковедческий и историографический анализ проблемы, связанной с различными датировками смерти Магаса и соответственно заключения вышеупомянутого соглашения правителя Кирены с Филадельфом (ср.: Iust. XXVI. 3), провёл К. Беннетт в рамках своего электронного проекта “Egyptian Royal Genealogy” (Bennett 2001–2012).

¹⁵ И действительно, брак Птолемея Эвергета с единственной дочерью Магаса Береникой, ознаменовавший фактическую инкорпорацию Киренаики в состав государства Птолемеев, состоялся в начале 246 г. до н. э. (Catul. LXVI; см. также: Gutzwiller 1992, 359; Ogden 1999, 80–81; Müller 2009, 111; Зелінський 2010, 504–505, примеч. 438).

¹⁶ Следует иметь в виду, что в 253/252 г. до н. э. закончилась Вторая Сирийская война, в которой Филадельф фактически потерпел поражение от правителя державы Селевкидов Антиоха II Теоса (см., напр.: Will 1979, 238–243; Heinen 1984, 418–419; Winnicki 1989, 58–77; Hölbl 2001, 44–45; Huß 2001, 286–287; Grainger 2010, 117–152).

Таким образом, выгодный Риму египетский нейтралитет, имевший место во время Первой Пунической войны, полностью себя оправдывал, поскольку отвечал на тот момент внешнеполитическим интересам государства Птолемеев.

В заключение следует отметить, что в данном случае Птолемей II Филадельф проявил себя как дальновидный и расчётливый политик. Результаты Первой Пунической войны в полной мере соответствовали его чаяниям. Победённый, но не раздавленный Карфаген сохранил способность сопротивляться попыткам установления римской гегемонии в Западном Средиземноморье, однако вряд ли смог бы дать Египту должный отпор в случае попытки последнего вернуть под свой контроль спорную территорию к западу от Киренаики. Более того, восстание наёмников 241–237 гг. до н. э. давало Птолемям отличную возможность распространить сферу своего влияния на значительную часть Северо-Западной Африки. Единственное, чего не мог предусмотреть Филадельф, так это отказа своего сына Птолемея III Эвергета от проведения завоевательной политики. Вследствие такого решения, принятого Эвергетом после окончания Третьей Сирийской войны¹⁷, преемник Птолемея II отказался среди прочего и от возможности воспользоваться плодами политики нейтралитета, проводившейся его отцом во время Первой Пунической войны¹⁸.

Литература

- Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
Жигунин В. Д. Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. Казань, 1980.
Жигунин В. Д. Западное Средиземноморье и эллинистический мир в середине III в. до н. э.: проблема взаимоотношений // *Античность: миры и образы* / отв. ред. В. Д. Жигунин. Казань, 1997. С. 21–26.
Зелінський А. Л. Три примітки до історії діадохів // *Східний світ*. 2007. № 1. С. 34–44.

¹⁷ Выявление и рассмотрение причин, побудивших Птолемея Эвергета отказаться от экспансионистской политики, выходят за рамки нашей статьи. См. об этом: Зелінський 2010, 423–440, 503–523, примеч. 434–545 (с разбором историографии).

¹⁸ Прежняя западная граница Киренаики, зафиксированная в середине III в. до н. э. (см.: выше), оставалась неизменной на протяжении определённого времени как до, так и после окончательной инкорпорации означенной области в состав Римского государства (75/74 г. до н. э. см.: Sall. *Hist.* II. 40–41; Cic. *Leg. Agr.* II. 51; App. *Mithr.* 121; App. *BC.* I. 111; Iust. XXXIX. 5. 2; Iul. Obseq. 49; Hier. Chron. 1922; 1952; ср.: Hölbl 2001, 210); Polyb. X. 40; Sall. *Iug.* 19.3; 79; Val. Max. V. 6. Ext. 4; Mela. I. 33; 38; Plin. *NH.* V. 4; Ptol. IV. 3–4; ср.: Strabo. II. 5. 20).

- Зелінський А. Л. До питання про гіпотетичну лояльність Офелли Киренського // Сходознавство. Вып. 44. 2008. С. 28–37.
- Зелінський А. Л. Александрійські фараони та їхні піддані. Зміцнення влади перших Птолемеїв. Київ, 2010.
- Зелінський А. Л. Хронологічна локалізація розширення західних кордонів птолемеївської Киренаїки // Вісник КНУ. Історія. Київ, 2012. В. 110. С. 25–27.
- Кащеев В. И. Эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н. э. М., 1993.
- Adams G. The Unbalanced Relationship between Ptolemy II and Pyrrhus of Epirus // Ptolemy II Philadelphus and his World / ed. P. McKechnie, Ph. Guillaume. Leiden; Boston, 2008. P. 91–102.
- Ager Sh. Interstate Arbitrations in the Greek World, 337–90 BC. Berkeley; Los Angeles; London, 1996.
- Bagnall R. The Administration of the Ptolemaic Possessions outside Egypt. Leiden, 1976.
- Beloch K. J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. IV. 2. Leipzig, 1927.
- Bennett Ch. Egyptian Royal Genealogy. [Електронний ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tyndalehouse.com/Egypt>. 2001–2012.
- Bennett Ch. Three Notes on Arsinoe I // A Delta-Man in Yebu / ed. A. Eyma, Ch. Bennett. Parkland, 2003. P. 64–72.
- Bevan E. The House of Ptolemy. L., 1927.
- Beyer-Rothhoff B. Untersuchungen zur Aussenpolitik Ptolemaios' III. Bonn, 1993.
- Bugh G. Hellenistic Military Developments // The Cambridge Companion to the Hellenistic World / ed. G. Bugh. Cambr., 2007. P. 265–294.
- Droysen J. G. Geschichte des Hellenismus. Bd. 3. Tübingen, 1955.
- Eckstein A. M. Rome, the War with Perseus, and Third Party Mediation // Historia. 1988. Bd. 37. Ht. 4. P. 414–444.
- Fraser P. Ptolemaic Alexandria. Vol. I. Oxford, 1972.
- Gargola D. Mediterranean Empire (264–134) // A Companion to the Roman Republic / ed. N. Rosenstein, R. M. Kallet-Marx. Malden (Mass.); Oxford, 2006. P. 147–166.
- Goodchild R. Arae Philaenorum and Automalax // PBSR. Vol. 20. 1952. P. 94–110.
- Grainger J. D. The Syrian Wars. Leiden; Boston, 2010.
- Gutzwiller K. Callimachus' Lock of Berenice: Fantasy, Romance, and Propaganda // AJPh. 1902. 1992. No 3. P. 359–385.
- Hauben H. L'expédition de Ptolémée III en Orient et la sédition domestique de 245 av. J.-C. Quelques mises au point // 1990. Bd. 36. P. 29–37.
- Heinen H. The Syrian-Egyptian Wars and the New Kingdoms of Asia Minor // CAH. Vol. VII. 1984. Pt. 1. 2nd ed. P. 412–445.
- Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. L.; N. Y., 2001.
- Holleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au III-e siècle av. J.-C. (273–205). P., 1921.

- Huß W.* Ägypten in hellenistischer Zeit: 332–30 v. Chr. München, 2001.
- Kasceev V.* Schiedsgericht und Vermittlung in den Beziehungen zwischen den hellenistischen Staaten und Rom // *Historia*. 1997. Bd. 46. Ht. 4. S. 419–433.
- Kornemann E.* Die letzten Ziele der Politik Alexanders des Grossen // *Klio*. 1920. Bd. 16. S. 209–233.
- Martin A.*: El periplo norteafricano de Ofelas // *Gerión*. T. 24. 2006. P. 65–84.
- Meltzer O.* Geschichte der Karthager. B., 1879. Bd. I.
- Mori A.* Piety and Diplomacy in Apollonius' Argonautica // Ptolemy II Philadelphus and his World / ed. P. McKechnie, Ph. Guillaume. Leiden; Boston, 2008a. P. 149–170.
- Mori A.* The Politic of Apollonius Rhodius' Argonautica. Cambr.; N. Y. etc., 2008b.
- Müller S.* Das hellenistische Koenigspaar in der medialen Repraesentation: Ptolemaios II. und Arsinoe II. B.; N. Y., 2009.
- Ogden D.* Polygamy, Prostitutes, and Death: The Hellenistic Dynasties. London; Swansea, 1999.
- Rostovtzeff M. I.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I. Oxford, 1941.
- Roussel D.* Les Siciliens entre les romains et carthagenois à l'époque de la Première guerre Punique. Essai sur l'histoire de la Sicile de 276 à 241. P., 1970.
- Scullard H.* Carthage and Rome // *CAH*. Vol. VII. 1989. Pt. 2. 2nd ed. P. 537–569.
- Stroux J.* Erzählungen aus Kallimachos // *Philologus*. 1934. Bd. 89. S. 301–319.
- Will Éd.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). Nancy, 1979. T. I.
- Windberg F.* Philaenorum Arae // *RE*. 1938. Hbd. 38. Sp. 2098–2102.
- Winnicki J.-K.* Operacje wojskowe Ptolemeuszów w Syrii. Warszawa, 1989.

Andrey L. Zelinsky

THE NATURE AND REASONS OF THE EGYPTIAN NEUTRALITY DURING THE FIRST PUNIC WAR

The neutrality of Ptolemaic Egypt during the First Punic War had unambiguous pro-Roman character, as far as Alexandria was interested to weaken Carthage. The reason for that, in author's opinion, was the prospect of renewal of border between the Ptolemaic possessions and Carthage, which was about to happen with the return of Cyrenaica into the Ptolemaic Empire. In this situation the weakness of Carthage would not only guarantee the safety of the western borders of Egypt, but also allow Ptolemies to renew expansion to the west, which was started by the founder of the dynasty.